

ВЕРА СЕРГЕЕВНА

Р
А
С
С
К
А
Э

Я просыпаюсь от пароходных гудков.

В каморке моей темно. Слабый свет пробивается только сквозь забеленное стекло в двери. Окно есть в комнате, маленькой и квадратной, куда ведет эта дверь и где спит Вера Сергеевна.

А мой топчан стоит в коридорчике за фанерной перегородкой, и здесь нет окон.

На столике возле меня огромный фолиант Брокгауза и Эфрона — вчера при лампочке я читал «Шекспиро-Бэконовский вопрос». И еще одна книжка. Это стихи. На ее обложке рукой автора написано: «Веточке в память об ушедшей юности».

И его фотография с добрым прищуром глаз.

Это очень хороший человек. Он остался таким, каким был сорок лет назад. У него в кармане крошки от табака и одет он так же, как и в пору своей беспокойной молодости, и к нему запросто может подойти любой, кто захочет, и совсем нельзя поверить, что он — знаменитый поэт.

Так говорит Вера Сергеевна.

Но кто бы рассказал о ней? О всей ее безалаберной, наразмашку жизни?

Отец работал на «Стандарт Ойл», девочкой возил ее по Европе. Италия, Греция — детские воспоминания. Потом отец возглавлял крупные предприятия.

А мать вышла замуж за кинорежиссера и с тех пор живет в Лос-Анжелосе.

Комсомолия двадцатых годов. Буйное племя одесситов. Багрицкий, Лифшиц, Олеша... В «Комсомолке» ее звали Вегой-Веточкой.

Она еще помнит шаги Владим Владимыча и стук его палки по редакционному коридору.

Эпикумьтесь!
АВТОР АЛЬМАНАХА
„СТАВРОПОЛЬЕ“

БОРИС
ДРОНЯЕВ

Коллективизация, культпросвет, обрезы кулаков...

Было и такое.

А после — война, санитарный эшелон. И — «нигде нет таких звезд, как в Средней Азии».

И снова дороги, и неудачная жизнь, и теперь — близкая старость. Комната ее, как и вся ее судьба, беспорядочна и необжита.

Она любит кошек. Ими пропах воздух в комнате. Она дает им бесконечное множество кличек. По вечерам кошки выходят через разбитое окно посидеть на крыше.

Она обладает кипучим и деятельным характером. Говорит не умолкая. Позже, когда я переехал, у меня еще долго в ушах звучал ее голос.

У нее без конца люди.

То она кому-то помогает поступить на работу, то налаживает чью-то семейную жизнь, то вмешивается еще во что-то и все устраивает, как ей кажется, лучше, то, наконец, подбирает на вокзале молоденькую и нахальную девку, поит ее чаем и, ругая на все корки, укладывает с собой спать.

Она не может жить в одиночестве. Когда я застаю ее одну, она раскладывает пасьянс или гадает и разговаривает с кошками. В такие минуты, мне кажется, что кончит она плохо: сойдет с ума или с

ней приключится что-нибудь дурное.

— Старая ведьма, — говорит она и смеется.

Денег у нее нет. Она хлопочет о пенсии, а пока перебивается на кипятке с хлебом.

Я смотрел ее фотографию. В молодости она была стройной и гибкой, и у нее были красивые золотистые волосы.

Она часто предается воспоминаниям. Афины, Флоренция. Однажды я видел, как она читала французскую газету.

— И все же, — сказала она, — я не хотела бы жить там. Попробовала бы я ворваться к мэру города и стучать у него по столу кулаком! Ого! В два счета спустил бы по лестнице! А здесь...

Она фамильярно перечисляет имена крупных людей города. Это — ее комсомольская юность. Пусть они только попробуют зазнаться!

Раз в месяц она покупает журнал «Искусство кино» и отправляет бандероль в Америку.

А на подмосковной вилле доживает век ее отец. Он придерживается старых принципов и предпочитает не иметь с дочерью ничего общего.

Если ей приходилось бывать в Москве, то она останавливалась у человека, чьей рукой на книге написано: «Веточке в память об ушедшей юности», и они вечерами вспоминали прошлое.

Он — добрый человек. Больной и добрый.

Я одеваюсь в каморке, чтобы уйти на службу, но прежде мне надо выполнить одну трудную работу.

Вчера она ходила в кино. Не знаю, может, на последний полтинник. Это в ее характере. Как всегда, какие-то люди сидели в ее комнате, а я пошел ее проводить до кинотеатра. Она простуженно кашляла и говорила, что я забуду ее, как только дела мои пойдут на лад и как только я уйду от нее. Не надо спорить, все так поступают.

В этот вечер болезнь и одиночество угнетали ее, и она, не позволяя себе раскисать, говорила, кашляла и снова

говорила.

Я вернулся назад. По радио передавали последние известия. Голос диктора отчетливо и непоправимо вошел в мое сознание...

Вера Сергеевна окликает меня. Да, я уже уйду. Но прежде надо сделать еще вот что: я открываю дверь и останавливаюсь у порога. Вера Сергеевна сидит за столом. Она расчесывает волосы.

Я знаю, что сейчас сделаю ей больно. Мне так хотелось бы смягчить эту боль. Но это невозможно. Я зачем-то улыбаюсь, криво улыбаюсь. Я навсегда запомнил эту свою идиотскую улыбку. Не знаю, заметила она ее или нет. Я говорю ей. Все. Сразу.

Вскрикнув, она привстает, защищаясь рукой.

— Миша умер, — шепчет она и, закусив кулак, смотрит широко открытыми глазами, и они быстро наполняются влагой.

— Миша умер, — повторяет она, как бы вслушиваясь в значение слов.

— Миша умер.

Я спускаюсь по металлической лестнице, перехожу двор, где на веревках развешивают белье, и выхожу на улицу.

Туман разлетелся, и яркое солнце слепит прохожих и сверкает в окнах, в автомашинах, в каплях росы на деревьях.

Ничего нет прекраснее утреннего города, когда люди спешат на работу.

Весь день они будут спешить.

И газеты просмотрят наспех.

Если и остановят внимание на фотографии человека в траурной рамке, то недолго будут помнить о его смерти. Для них его имя связано с книгами. А книги не умирают. Они остаются. Смерть их автора не очень доходит до сердца. Где-то умер человек, который был добр и у которого в карманах водились табачные крошки, — книги от этого не изменятся, а люди читают книги.

Но я... Я знаю этого человека. Хотя ни разу не видел его.

Знаю потому, что плачет сейчас женщина в своей комнате, зарывшись лицом в подушку.

Я иду по улицам, по которым

когда-то ходили парни, мои ровесники:
Эдик Багрицкий, Юра Олеша, Женя
Петров... Ушедшее, уходящее поколение.

А над миром полыхает громадное
солнце. И радость смешана с грустью.

Мне никогда не забыть это утро.
Как не забыть женщину, которая сейчас
рыдает посреди солнечно-голубого города
в необжитой своей квартире.

Она оплакивает себя — Вегу-
Веточку. Она оплакивает хорошего парня
— Мишу Светлова.